

В. И. Цепилова

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ЛИТЕРАТУРЕ 20 — 80-х гг. XX СТОЛЕТИЯ

Современную историческую науку трудно представить без трудов эмигрантов 20—30-х гг. XX в. Возвращение на родину наследия историков стало одним из новых направлений в отечественном историописании, гражданским и нравственным долгом исследователей. Появление в 90-х гг. монографий, статей и биографических справочников, посвященных историкам русского зарубежья, показывает наличие определенных предпосылок в изучении темы¹. В этом ракурсе интерес представляет историографический материал 20—80-х гг.

Осмысление научного творчества историков началось в 20-е г. XX столетия, когда в эмигрантских сборниках, литературно-публицистических журналах и периодической печати выходят в свет обзоры и рецензии². Когда стало ясно, что «исход» продлится неопределенное время, по инициативе Русской академической группы в ЧСР началась систематизация научных трудов³. Несмотря на невероятные трудности, связанные с передвижениями эмигрантов по странам и континентам, эта работа завершилась изданием библиографического справочника, который и на сегодняшний день представляет научный интерес⁴. К этому же периоду относится изучение профессиональных региональных организаций историков⁵.

По мере накопления историографического материала и успехов в библиографическом деле появляются обобщающие работы, в которых историческая наука русского зарубежья впервые стала предметом исследования⁶. В статьях А. В. Флоровского и А. А. Кизеветтера высоко оценивались эмигрантские работы М. И. Ростовцева, А. А. Васильева, М. А. Андреевой, Н. П. Кондакова. Так, в докладе на V съезде академических организаций в Белграде А. В. Флоровский основное внимание сосредоточил на условиях творчества в эмиграции. Отмечая изменение тематики и содержания работ историков России, обусловленное отсутствием архивных материалов и необходимостью учитывать интересы и возможности принявших их стран, автор назвал благоприятными условия в Праге и Белграде, поскольку правительства и научные сообщества этих стран оказывали эмигрантам существенную помощь и поддержку. Такая

«очередность» отличается от общего представления о культурных центрах русского зарубежья, где первое место отводится Парижу, и выявляет «географическую» специфику историко-научной эмиграции.

Анализ историографических статей и рецензий А. А. Кизеветтера показывает, что эмигранты рассматривали историческую науку русского зарубежья как продолжение дореволюционного научного процесса и как часть исторического знания России в целом. Особое внимание уделялось коллегам, оставшимся на Родине, — С. В. Бахрушину, Б. Д. Грекову, С. Ф. Платонову, Ю. В. Готье и др. В историографическую канву включались работы и марксистских авторов, отношение к которым было дифференцированным: если М. Н. Покровскому, Н. А. Рожкову, С. А. Пионтковскому вообще отказывалось в научности их трудов, то критика молодых историков (М. В. Нечкина) носила мягкий характер. При этом марксистская методология представлялась Кизеветтеру как разрыв с предыдущей традицией.

Целиком эмигрантской литературе была посвящена статья Кизеветтера, адресованная французскому читателю. Отмечая неполноту сведений о творчестве коллег, Кизеветтер сгруппировал монографии и статьи по следующим проблемам: 1) теория и методология истории; 2) общие работы по истории России; 3) статьи по отдельным периодам и историческим личностям. Краткие характеристики напоминают аннотации, но при этом содержат авторские оценки, что позволяет отнести данную статью к историографическим работам.

Если А. В. Флоровский и А. А. Кизеветтер анализировали российскую и/или советскую литературу, то И. И. Гапанович рассматривал русскую пореволюционную и советскую историографию как часть мирового познавательного процесса⁷. Хронологически автор охватил значительный по времени период становления и развития русистики, подразделив его на три этапа и положив в основу периодизации содержательную сторону исследований. Сущность первого этапа (1881—1905) определялась как поиск историками альтернативной концепции отечественной истории на примерах творчества Маккензи-Уоллеса, Леруа-Болье, Рамбо и Милюкова; второго (1905—1918) — как совершенствование методики исторических исследований (работы Бэна, Мавора, Валишевского, Ключевского, Милюкова, Платонова) и третьего этапа (1918—1931) — как переосмысление и переоценка исторического опыта России.

Третий этап был представлен работами Т. Масарика, Стахлина, Б. Пайрса, Н. Бриан-Чанинова, Б. Нольде, Д. Мирского, Е. Шмурло, а во втором издании дополнен критикой «Истории России» под редакцией П. Милюкова, Ш. Сеньобоса и Л. Эйзенманна; «Истории России в сжатом виде» М. Покровского; работ Г. Вернадского и др. В заключении к книге автор дал библиографию известной ему научной литературы и ха-

рактеристику центров изучения российской истории в Париже, Лондоне, Риме, Берлине, Праге, Белграде и Варшаве.

Значительный интерес для нас представляет то, что Гапанович был одним из первых историков-эмигрантов, увидевших преемственность советской и дореволюционной историографии. Так, в главе «Критика недавних публикаций (Покровский, Вернадский)», анализируя работы Покровского, он показал, что заявления марксиста о принципиальной новизне новой методологии безосновательны, причем преемственность выделась не только в использовании фактического материала, но и идей предшественников⁸.

В межвоенный период тема русской эмиграции стала одним из направлений в историографии зарубежных стран. Эти работы были посвящены общим проблемам российских эмигрантов — численности, размещению по странам, трудностям трудоустройства и быта⁹. Историческая мысль русского зарубежья предметом специального изучения не стала, но важно отметить, что некоторые европейские ученые, особенно в совместных сборниках и обзорных курсах по истории России, излагали свою точку зрения на российский исторический процесс, не всегда совпадающую с авторскими представлениями. Так, в предисловии к выше-названной «Истории России» французский исследователь Ш. Сеньобос, причислив издание к «выдающимся», вместе с тем считал, что «вся внутренняя жизнь России» представляла «постоянное копирование государственного строя, практики и идей Запада», что «русский ум... постоянно озабочен понять как русское нововведение то, что по существу было подражанием Западу». Причины «отставания» России Сеньобос видел в факте принятия православия и влиянии татарского ига¹⁰. Анализируя этот капитальный труд (первые два тома по 400 страниц, последний — почти 800), И. И. Гапанович увидел в нем столкновение двух историографических традиций — российской (точнее, московской) и европейской, представленной известным французским историком. Хотя Сеньобос написал только предисловие, но Гапанович ощутил его влияние на всем материале трехтомника «История России»: и в строгой хронологической последовательности изложения материала, и в подзаголовках глав, и в приоритете политической истории. Но содержание глав, написанных русскими учеными, было гораздо шире названий и отражало своеобразие школы Ключевского: они включали не только политическую историю, но и социальные, экономические процессы развития России. Гапанович считал это достоинством работы, а представления Сеньобоса о российском историческом процессе — отражением устаревших методологических подходов и концептуальных построений¹¹.

Подобные взгляды, сложившиеся в западной россике, опирались на некоторые положения классической российской историографии, в том

числе и на работы П. Милюкова, одного из основных авторов и соредатора «Истории России». Но если в отечественном историописании общие закономерности развития и национально-государственная специфика были в какой-то степени уравновешены, то в западно-европейской историографии внимание акцентировалось на элементах копирования и «отсталости» России. Поэтому предисловие Ш. Сеньобоса к изданию несколько противоречило содержанию, написанному русскими авторами. Если учесть, что в эмиграции историки-эмигранты несколько скорректировали свои взгляды, то западно-европейские коллеги действительно рe-анимировали прежние концепции¹².

Анализируя развитие россики в рамках мировой историографии, И. И. Гапанович обратил внимание на работы Б. Пайрса. В частности, концептуально русская история Пайрса была близка Ключевскому, но, в отличие от него, английский исследователь придавал важное значение личным качествам и взглядам российских монархов, повлиявших на европейское развитие, идейным течениям в России, военным событиям, генезису интеллигенции. И. И. Гапанович акцентирует внимание на том, что исследователь дает характеристики монархам и событиям «с точки зрения европейца»: просвещенный абсолютизм в России проводила «иностранка», в Александре I «было многое от тирана», поражение Наполеона в войне 1812 г. приписывалось только территории и климату¹³.

Таким образом, в эмигрантской историографии в 1920—1930-е гг. в зависимости от условий создания работы и адресата складывается три подхода. Первый исследует творчество не только изгнанников, но и труды советских историков, представляя российскую науку как цельное, но изолированное от мировой историографии, явление. В рамках второго направления жизнь и творчество научной пореволюционной эмиграции рассматривается как замкнутая система, позволяющая «сохранить и приумножить» русскую культуру. Эта позиция приводила к некоторому изоляционизму, способствовавшему консервации методологических подходов. Третье направление анализировало историческую науку русского зарубежья как часть мирового научного процесса, но при этом исчезала проблема ее специфики.

С работами историков-эмигрантов были знакомы специалисты в СССР¹⁴. Хотя отношение советской власти к интеллигенции с первых дней было, мягко говоря, настороженным¹⁵, в 20-е гг. сохранялась возможность научного и личного общения ученых, не было информационной блокады. В библиографических разделах советских журналов регулярно давались материалы из жизни научной эмиграции¹⁶. Труды историков «дореволюционной школы», оставшихся в России, выходили в зарубежных издательствах и были доступны эмигрантам¹⁷. В этот период

возможны были дружеские встречи. Так в 1926 г., возвращаясь через Харбин из Токио с Тихоокеанской конференции, советская делегация АН СССР (В. Л. Комаров, Г. Г. Берг) была принята администрацией юридического факультета, состоялась беседа с профессорско-преподавательским составом¹⁸.

Вместе с тем в 20-е гг. общая тенденция противостояния, характерная для российского общества, приобретает в научной сфере новые формы. Главным вопросом эмигрантской и советской историографии становится переосмысление исторического пути России с точки зрения происшедших событий. Вышедшие из горнила революции и ожесточенного противостояния в гражданской войне, в условиях разрухи и невероятных трудностей, как старшее поколение — родоначальники марксистской историографии, так и молодые исследователи переносили опыт этой борьбы в сферу культуры, образования и науки. Низкий уровень культуры основной массы населения страны позволял манипулировать сознанием людей, порождал упрощенные классовые подходы к научным проблемам. Научная уязвимость советской историографии этого периода заключалась не только в идеологической заданности, но и в неразработанности многих тем в дореволюционный период, малочисленности кадров историков-марксистов.

Противостояние подпитывалось угрозой новой интервенции (а сторонники таких действий были и среди политиков Запада, и среди эмигрантов), заявлениями эмигрантских политических и военных деятелей, сохранением воинских контингентов, военных учебных заведений белого движения. Формирование научных и образовательных структур в эмиграции, открыто заявлявших о подготовке кадров «для будущей России», так же, как и политика советской власти (высылка из страны представителей интеллигенции, ужесточение цензуры, «Академическое дело») не способствовали доверию.

Историческая наука рассматривалась в СССР как один из фронтов идейно-политической борьбы. Ставилась задача, во-первых, обосновать закономерность Октябрьской революции и возможность социалистического строительства в одной стране; во-вторых, морально оправдать власть, защищающую завоевания революции и использующую для этого любые средства к инакомыслящим, находящимся как вне страны, так и оставшимся на родине. В научно-практическом плане решалась задача рассмотреть российский исторический процесс с точки зрения марксистской методологии, поэтому как дореволюционная, так и созданная «внутренними» и «внешними» эмигрантами литература оценивалась как чуждая марксизму-ленинизму.

Первые статьи о научном русском зарубежье в СССР показывают, что критики отслеживали новые явления среди эмигрантов, в том числе и

в науке. Так, В. П. Полонский, отметив перемены настроений в эмигрантской среде, обратил внимание на *евразийство*, заявившее о себе работой Н. С. Трубецкого «Европа и человечество». Появление евразийства автор связал с революцией и характеризовал как «движение буржуазной интеллигенции, которая потерпела поражение в классовой борьбе против революции, выставившей на своем знамени принцип интернационализма». Наряду с этими оценками Полонский выделил существенные черты евразийства: отрицание европейской цивилизации, национализм, славянофильство; преемственность с идеями Шпенглера, Кайзерлинга, Эрнста. При всей политизированности данной статьи можно отметить, что авторская характеристика истоков и основных черт евразийства совпала с критикой нового направления историками-позитивистами зарубежья¹⁹.

Таким образом, в первое десятилетие существования советской власти формируются тенденции как взаимовлияния, так и противостояния двух ветвей еще единой российской исторической науки. Стереотипы противостояния закладывались обеими сторонами. Так, уже классическим стал пример об отношении многих историков-эмигрантов к реформе орфографии в советской России; они отказывались публиковаться в одних с марксистами сборниках. М. И. Ростовцев публично высказывал мысль о том, что представлять русскую науку на международных конгрессах могут только эмигранты. А. В. Флоровский и А. А. Кизеветтер утверждали, что истинная история России пишется в эмиграции²⁰. В свою очередь, под предлогом сохранения «старой орфографии» в эмигрантской литературе с 1924 г. сокращается ее поступление в СССР; закладывается традиция с подозрением относиться к тем исследователям, чьи труды публиковались за границей²¹.

На рубеже 20—30-х гг. идейно-политические мотивы в советской историографии стали преобладать. В сборниках и брошюрах этого периода творчество В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, С. Ф. Платонова, М. К. Любавского, А. А. Корнилова, М. В. Довнар-Запольского, А. А. Кизеветтера оценивалось с «классовых позиций», причем историков разделили на группы в зависимости от того, интересы какой части буржуазии они якобы отражали²². Возможность ознакомления с литературой русского зарубежья была ограничена, создавалась система закрытых архивохранилищ и спецхранов библиотек. Многие проблемы российской истории, разрабатываемые в дореволюционный период, оказались на «обочине» научной деятельности, плановая система отдавала приоритет темам, посвященным революции, гражданской войне, истории фабрик и заводов. В рамках этой тематики некоторое время продолжалась практика обзоров эмигрантской литературы, но они были далеки от объективности²³.

В этот же период меняется отношение к старым специалистам в СССР, многие из которых, в сущности, были «внутренними» эмигрантами²⁴. Развертывается «критика» историков, сформировавшихся в дореволюционной России — как эмигрантов (М. И. Ростовцев, А. А. Кизеветтер, Р. Ю. Виппер), так и тех, кто оставался в России. Так, в рецензии И. Куршанака положительный отзыв А. Кизеветтера на монографию С. В. Бахрушина о колонизации Сибири уже рассматривался как факт, достаточный для обвинения издателей в «политической близорукости»²⁵. С аналогичных позиций выступал С. А. Пионтковский²⁶. Начинается организованная травля дореволюционного поколения историков, санкционированная решением Общества историков-марксистов 19 марта 1930 г.: «каждого антимарксиста рассматривать как “потенциального вредителя”»²⁷.

Данные методы борьбы с инакомыслием в науке становятся нормой. В рамках нашей проблемы следует отметить, что закладывалась историографическая традиция рассматривать эмигрантское творчество как доказательство «кризиса буржуазной науки», причем кризис однозначно трактовался как регресс. Взгляды историков-эмигрантов рассматривались как статичные, а работы, посвященные новейшей истории, характеризовались как оправдывающие интересы свергнутых классов.

Новое видение истории советскими марксистами не предполагало историографической преемственности. Критика прежде всего была направлена против концепции В. О. Ключевского, в рамках которой работали многие эмигранты. Молодой исследователь Н. Л. Рубинштейн утверждал, что Покровского ничего не связывает с предыдущей историографией — ни с Ключевским, ни с Милюковым, ни с Туган-Барановским, ни с Рожковым²⁸. С. А. Пионтковский, не стесняясь в выражениях, писал, что Ключевский — «представитель великорусского шовинизма», «представитель торговых группировок, кулацких группировок буржуазии». Автор утверждал, что в буржуазной историографии «нет ни одной живой мысли», что она «умерла», поэтому считал задачей историков-марксистов «помочь им поскорее умереть без следа и остатка, а не заниматься тем, чем занимались в течение десяти лет до сих пор, издавали сборники трудов и т. п.»²⁹. Обращаясь к студентам Комакадемии, М. Н. Покровский заявлял, что Ключевский — эклектик, и, «имея ключ к шифру Ключевского (классовому шифру, чьим интересам служит), вы имеете ключ ко всей русской историографии, и к Платонову, и к Милюкову, и ваше дело им воспользоваться применительно к зашифрованному тексту»³⁰.

Творчество историков в эмиграции С. А. Пионтковский характеризовал как «полный распад». В качестве примера он приводил выход в свет сборника статей, посвященный 70-летию П. Н. Милюкова. Обвиняя авторов статей в политизированности, Пионтковский даже не цитирует их высказываний, совершенно «упускает» оценку Милюкова как историка,

даваемую коллегами, и, конечно, не замечает дискуссии, которая звучала на страницах сборника. Претендуя на научность только марксистской историографии, автор констатировал: «Сборник в честь Милюкова — это надгробный памятник для буржуазной историографии, прежде всего поставленный в эмиграции, там, где они могут свободно (примечательна оговорка о свободе для работы в эмиграции. —В. Ц.) писать. Здесь же надгробным памятником ей будут наши монографии, марксистские монографии»³¹.

Изменение отношения к дореволюционной историографии на рубеже 20—30-х гг. было составной частью общей политической линии советского руководства, направленной на форсирование «социалистического строительства в одной отдельно взятой стране». В 1928 г. советские историки-марксисты впервые представили российскую науку на международном конгрессе историков в Осло, тем самым идейное противостояние внутри российской науки приобрело международный масштаб. Кроме того, к этому времени сформировалось новое молодое поколение исследователей³², завершился процесс организационной перестройки научных и учебных структур, что привело к установлению жесткого партийного контроля над ними³³. Несмотря на то, что во второй половине 30-х гг. начинается критика «школы Покровского», с помощью которой освободились от представителей «буржуазной историографии», вернулись к работе оставшиеся в живых ссыльные историки, но научные дискуссии теперь были возможны только в границах официального марксизма. Накануне войны в свет вышли два сборника статей, посвященных критике «антимарксистских» взглядов Покровского и его учеников³⁴, но отказ от примитивного толкования классового принципа не означал его отрицания вообще.

В 30-е гг. рецензии на труды историков-эмигрантов в советской научной литературе и периодике стали редкостью и не отличались объективностью. Так, С. А. Пионтковский подверг жесткой критике литографированный курс Е. Ф. Шмурло. Кроме личных нападок, рецензия содержала обвинение в создании «научно недоброкачественного, исторически неверного и безнадежно устарелого курса», в антисоветской пропаганде, игнорировании марксистских работ³⁵.

В 1941 г. вышла в свет монография Н. Л. Рубинштейна, которую можно рассматривать как подведение итогов развития советской/марксистской историографии межвоенного периода³⁶. В предисловии к работе автор отмечал, что в меняющемся мире перед историками встают сложные и ответственные задачи — «определить конкретную историческую обусловленность рассматриваемых научных концепций, принадлежность изучаемого историка к определенному историческому периоду, определенной общественной среде». Таким образом, ставилась

проблема не столько определить классовую принадлежность автора, сколько рассматривать научное творчество как процесс, обусловленный множеством факторов. Призыв учитывать все стороны творчества историков можно рассматривать как отказ от упрощенных классовых подходов при оценке историков. Дело не только в том, что менялась «партийная установка», «заказ» власти, но и в том, что специалистам уже советской школы по мере накопления профессиональных навыков и знаний, переданных им не в последнюю очередь историками «буржуазной школы», стало тесно в рамках примитивного классового подхода 1920-х гг.

Отдельная глава монографии Рубинштейна была посвящена выдающемуся представителю российской науки В. О. Ключевскому. С точки зрения автора, представители школы Ключевского взяли от учителя не только «внимательное изучение внутренних процессов народной жизни – экономики и общественного быта», «тонкость внутренней интерпретации источника и мастерство обработки исторического материала», но и «журнально-публицистическую тенденцию», при которой «литературно-повествовательная сторона господствует над научным исследованием»³⁷. Изменение отношения к Ключевскому и его школе стало первым шагом будущей переоценки состояния дореволюционной историографии и работ видных ее представителей в эмиграции.

Таким образом, в советской историографии межвоенного периода можно выделить два этапа. До рубежа 20–30-х гг. мы можем говорить *о параллельном существовании* в российской исторической науке *позитивистского и марксистского* направлений. Творчество русских ученых за рубежом представлялось, во-первых, как прямое продолжение дореволюционной историографии, во-вторых, как в сущности своей неизменное явление, для которого были характерны те же «болезни», что и в дореволюционной историографии. В соответствии с этим акцентировалось внимание на «кризисе буржуазной историографии», и в рамках этих представлений подавались работы эмигрантов. Тем не менее в этот период сохранялась возможность научного обмена, сравнительно объективной была оценка творчества изгнанников, историки «старой школы» имели возможность работать по избранной тематике и публиковаться как в России, так и за рубежом.

На рубеже 20–30-х гг. тема исторической мысли русского зарубежья уходит из научной литературы, ограничивается информация о деятельности эмигрантских организаций и новых работах историков. Это было связано не только с большей закрытостью страны и минимизацией информации, доступной исследователям, но и с тем, что творческая активность старшего поколения эмигрантов снижалась, среднее и младшее поколения историков, даже сохраняя верность проблемам истории России, во-

шли в научные круги стран-реципиентов и публиковали работы на иностранных языках, предназначая их местному читателю.

Отношение советских и зарубежных исследователей к исторической науке русского зарубежья стало меняться после Второй мировой войны. Идеино-политическое противостояние периода «холодной войны» актуализировало руссиеведческое направление историографии: если на Западе и в США это выразилось в государственной поддержке и субсидировании россики правительствами и специальными фондами, в образовании кафедр русской истории в университетах, то в СССР исследователи получили ограниченную возможность работать с архивами русского зарубежья. Наследие историков-эмигрантов оказалось востребованным³⁸. Методологическое многообразие подходов эмигрантской литературы (позитивизм, евразийство, теория синтеза, теологическая школа) давало возможность зарубежным исследователям строить разнообразные концепции на русском историографическом материале. Играло роль и то обстоятельство, что, сформировавшись в рамках европейской историографической традиции, советологи подходили к истории России/СССР с позиций своей системы ценностей, которая «накладывалась» на знание российской действительности из эмигрантских источников. При этом заблуждения эмигрантов приобретали в интерпретациях исследователей такие масштабы, что представленные концепции теряли сходство с историографическими первоисточниками.

Следует констатировать, что процесс изучения творчества историков-эмигрантов на Западе начался раньше, чем на родине изгнанников³⁹. Примечательно, что историей России и российской эмиграции 20—30-х гг. начинают заниматься «дети» эмигрантов: П. Е. Ковалевский, И. Савицкий, М. Раев, Ч. Гальперин, Д. Оболенский, М. Шефтель, Н. Рязановский. Как исследователи они сформировались в рамках европейской и американской историографических школ, но некоторые из них были учениками русских историков-эмигрантов. Важно отметить, что тема российской эмиграции и исторической науки за рубежом была частью их личной жизни и личного опыта, что наложило определенный отпечаток на профессиональные работы.

Для нас особенный интерес представляют работы П. Е. Ковалевского, в которых автор впервые провел систематизацию творческого «наследия» эмигрантов-историков, сопоставив развитие исторической науки России как в эмиграции, так и на родине⁴⁰. Эмигрантские труды исследователь распределил по проблемному и тематическому принципам: общая литература (История России в целом); археология; дославянский период; славянская эпоха; хазарский вопрос; государственный и социальный строй Киевской Руси и т. д. Перечисляя работы историков, автор давал краткую справку об их содержании.

В отличие от издания 1946 г., монография П. Е. Ковалевского 1971 г. была посвящена русскому зарубежью в целом — его истории, включая международную обстановку, юридическому статусу, трудностям, с которыми встретились эмигранты, характеристике научных организаций и вузов, включала библиографические данные. Вслед за С. П. Постниковым Ковалевский рассматривает научное творчество историков-эмигрантов в контексте институциональных структур русского зарубежья. В монографии прослеживался и персоналогический подход: читатель мог ознакомиться с биографическими данными и вкладом в науку некоторых историков, в частности (В. С. Голенищева, В. М. Викентьева, А. Н. Полякова и др. Но если раньше предметом исследования была историческая наука России, проблемы которой разрабатывали как советские исследователи, так и историки-эмигранты, то теперь было представлено только эмигрантское «наследие». Дополнительный выпуск (1973) содержал информацию о деятельности кружка по изучению России (Париж), академической группы в Болгарии, положении русского студенчества в этой стране и работе отдела Центрального комитета по обеспечению высшего образования и Союза русских студентов.

Эти работы П. Е. Ковалевского содержат огромный информативный материал, которым пользуются исследователи русского зарубежья в настоящее время, по индексу цитирования автор относится к наиболее известным исследователям. Особенность подхода П. Е. Ковалевского заключалась в культурологической направленности исследования: историк сознательно отказался от показа политической борьбы в эмиграции и анализа идеологических разногласий внутри историко-научного сообщества, основное внимание сосредоточив на изучении профессиональной деятельности эмигрантов, их вкладе в историческую науку. Данный подход соответствовал доминирующему в тот период в западной историографии интересу к культурной истории. Принцип распределения огромного массива эмигрантской литературы по проблемам русской истории оказался также удачным и, вероятно, единственно возможным: его использовали В. Т. Пашуто, М. А. Вандалковская, И. Л. Кызласова и другие исследователи.

В 60—70-е гг. XX столетия вопросы российской, в том числе и эмигрантской, историографии стали предметом исследования Г. В. Вернадского⁴¹. Его «Русская историография» рассматривала развитие российской исторической науки с XVIII в. до 1920 г. включительно, хотя содержала сведения о жизни и творчестве историков и в более поздние годы. В соответствии с европейской традицией и спросом американских читателей автор значительное внимание уделил биографиям историков. При этом он отошел от традиционных историографических подходов: краткие характеристики методологических основ исследований или их отсутствие

создают впечатление случайности выбранных авторов и их трудов. Внимание историка больше привлекали сюжеты, связанные с влиянием историографии на культуру страны. По характеру эта работа больше напоминает учебное пособие, чем научное исследование, что можно объяснить ее небольшим объемом.

Эта «краткость» была компенсирована «Очерками по истории науки в России», последние главы которых были выпущены учениками историка. Г. Вернадский анализирует труды историков-эмигрантов и историков, оставшихся в России, как представителей одного поколения и одной культурной эпохи. Тем самым он как бы возвращается к взглядам историков-эмигрантов 20—30-х гг., представлявших русскую науку единым целым, но при этом не присоединяется к И. И. Гапановичу, который видел преемственность марксистской науки и позитивизма.

Большой интерес представляет монография Ч. Гальперина, посвященная Г. В. Вернадскому. В ней нет историографического обзора, традиционного для отечественной историографии, но постраничные замечания и ссылки дают общую картину изучения творчества Г. В. Вернадского и евразийства в Европе и США, выявляют точку зрения автора на отдельные статьи. Значительное место автор отводит биографическим материалам, раскрывая процесс профессионального и личностного формирования Г. В. Вернадского, подчеркивая, что элементы евразийского видения прошлого страны формировались еще в дореволюционный период.

По мнению Гальперина, Вернадский, продолжая русскую историографическую традицию с ее сильными и слабыми сторонами, всегда оставался национальным историком. Сильными сторонами российской историографии автор считает приверженность к академическим исследованиям и соблюдение высочайших стандартов личного поведения в профессиональной деятельности, к слабым относит «чрезмерный национализм и методологический консерватизм». Евразийство автор оценивает как продолжение русской историографической традиции, согласно которой процессы колонизации рассматривались как преимущественно мирное присоединение, тем самым «оправдывался российский империализм». Эмиграция Вернадского в Соединенные Штаты, с точки зрения Гальперина, решительным образом изменила его взгляд на евразийство и соотношение различных элементов в его интеллектуальном мировоззрении: «Америка очистила евразийство Вернадского от его авторитаристских, шовинистских, коллективистских и элитарных аспектов. Он усвоил капиталистические, индивидуалистические, плюралистские и демократические ценности страны пребывания, вернувшись в историографии к либеральным, демократическим и, до некоторой степени, популистским элементам в имперской русской историографии. ...Теперь Вернадский концептуально подходил к русской истории с явно эклектической точки

зрения»⁴². Вывод автора представляется нам противоречивым. С одной стороны, Гальперин рассматривает евразийские работы Вернадского межвоенного периода как не имеющие научной ценности, с другой — высоко оценивает его пятитомную «Историю России», написанную в том же ключе⁴³.

В Советском Союзе в послевоенный период тема эмиграции 20—30-х гг. вновь возвращается в литературу через обращение к исторической мысли русского зарубежья. Как уже отмечалось, противостояние актуализировало «наследие» эмиграции, поднимало значение зарубежной русской исторической науки. В рамках критики советологии внимание советских исследователей привлекала главным образом та часть эмигрантской литературы, которая была посвящена революции, оценке социалистического строительства в СССР. Это было связано в первую очередь с традицией рассматривать эти проблемы как коренные вопросы российской жизни. Во-вторых, этот блок преобладал и в эмигрантской литературе. Анализировались работы, которые сами эмигранты называли публицистикой, подчеркивая недостаточность источниковой базы, близость событий, личную причастность к ним, тем самым, подчеркивая субъективизм данных работ.

В рамках критики антисоветских концепций исследователи совершенно справедливо видели их истоки в творчестве историков-эмигрантов, но при этом игнорировалось то обстоятельство, что интерпретация работ эмигрантов в зарубежной литературе по политическим соображениям была весьма «свободной»⁴⁴. На наш взгляд, заслугой советской историографии является то, что истоки евразийства были представлены шире, чем в эмигрантской критике. Наряду со славянофильскими корнями и теорией локальных цивилизаций Н. Я. Данилевского советские исследователи увидели «веховскую» традицию, а также следование позитивистской историографии, основанной на европоцентризме. Выявив истоки евразийства в традициях школы Соловьева — Ключевского, советские авторы вместе с тем не заметили эволюции взглядов представителей этой школы в эмиграции. Кроме того, представляется важным то, что советские исследователи впервые в отечественной историографии показали влияние евразийской схемы на взгляды западно-европейских и американских исследователей. Это влияние оценивалось однозначно негативно, что в условиях острого идеологического и политического противостояния понятно, сама критика, во многом обоснованная, приобрела гипертрофированный характер, выходящий за рамки научной дискуссии.

Вместе с тем в конце 50-х — первой половине 60-х гг. появилась тенденция к объективному анализу творчества Е. Ф. Шмурло, А. В. Васильева, В. А. Мошина, А. В. Соловьева, В. А. Францева⁴⁵. Но, в отличие от 1920-х гг., эмигрантские работы ни в зарубежной, ни в советской литера-

туре уже не рассматривались как часть отечественной историографии. В этот же период в печати возобновляются обзоры публикаций в иностранных журналах, посвященных истории России⁴⁶. Впервые после 20-х гг. в советской историографии выходят сборники научных работ, где наряду с работами советских исследователей печатались труды эмигрантов⁴⁷; начинается сотрудничество ученых в изучении российской эмиграции⁴⁸. В специализированных журналах появляются работы иностранных авторов.

Насколько трудным и ограниченным был переход от условий сталинской эпохи к относительной либерализации режима, показывает переписка Н. Е. Андреев, описывая встречу с историком византийской и древнерусской живописи В. Н. Лазаревым в 1956 г., отмечал, что тот не решился взять с собой рецензию на свою книгу. В 1963 г. он же, рассказывая Г. Вернадскому о встрече с Л. В. Черепниным, отметил: «Между прочим, назвал Вас “крупным ученым” и сказал, что “нападки на Вернадского в советской прессе “надо понимать в их отношении к общей политике”»⁴⁹.

«Оттепель» не была длительной, но она дала импульс к переосмыслению наследия дореволюционных историков, создала условия для более объективного изучения творчества тех, кто оказался в эмиграции. В обобщающих историографических исследованиях основное внимание уделялось дореволюционному творчеству историков, эмигрантский период либо замалчивался, либо был ограничен политическими оценками⁵⁰. Но, во-первых, осуждалась резкость прежних суждений о состоянии дореволюционной историографии и трудах ее представителей. Во-вторых, появляется тенденция выделить особенности творчества историков. Значительным событием в историографии стала монография М. В. Нечкиной, посвященная В. О. Ключевскому⁵¹. М. В. Нечкина и Е. Н. Городецкий впервые поставили задачу исследования жизни и творчества не только крупных историков, но и считали «полезным для изучения историографического процесса исследовательские статьи о менее видных деятелях исторической науки»⁵². В-третьих, хотя все работы дореволюционных историков анализировались в рамках представлений о кризисе исторической науки на рубеже веков, но сам кризис рассматривался как сложное явление⁵³. Тем самым создавалась теоретическая основа для исследования нашей проблемы.

В персоналогической историографии выделяется монография Б. Г. Сафронова, которая раскрывает все противоречия творчества исследователей советского периода: глубокое проникновение в творческий мир своего героя и попытка дать критику мировоззрения Виппера с позиций господствовавшей методологии. Отдавая дань стандартной критике трудов Виппера, автор монографии вышел за пределы упрощенного анализа. Он представил Виппера не мечущимся между различными концеп-

циями историком, а в основе своей последовательным исследователем: «Неоднократно менялись интересы и привязанности, темы и решения проблем, но нечто характерное для этого времени осталось у него навсегда: многогранность, синтетичность и синкретизм, подвижность интересов, приверженность к мировоззренческой проблематике – все это входит в качестве компонентов в модель его духовного облика и остается в нем неизменным»⁵⁴.

В советский период взгляды историков-эмигрантов рассматривались в общем контексте развития историографии в дореволюционной России, положительная оценка давалась только в сравнении с предшествующей историографией, а марксистская историография подавалась как более высокий уровень исторического знания, принципиально новый подход. Обязательным приемом при этом были ссылки на ленинские высказывания, даже если они касались других периодов истории. Преемственность марксистской и позитивистской историографии признавалась частично, в виде навыков источниковедческого анализа, признания закономерности исторического процесса. Критика предполагала изложение хотя бы основных позиций оппонентов, что позволяло знакомиться с ними и массовому читателю.

Те «наработки», которые были сделаны в советский период, стали фактологической основой для переосмысления историографического наследия русского зарубежья. Практически одновременно разработку темы исторической науки русского зарубежья начали Л. К. Шкаренков и В. Т. Пашуто. В третьем издании монографии Л. К. Шкаренкова впервые в отечественной историографии давался анализ исторической науки русского зарубежья⁵⁵.

В историографическом обзоре Л. К. Шкаренков поставил проблему изучения не только политической деятельности, но и всех сторон эмигрантского бытия. Трудно не согласиться с мыслью историка о том, что архивные источники «довольно часто обнаруживают разоблачительные свойства»⁵⁶. Правда, в силу современных исследователю обстоятельств, видимо, невозможно было сказать, что эти же архивы давали и богатейший материал для характеристики организованности, солидарности, взаимопомощи эмигрантов. Конечно, монография несла на себе печать своего времени, но впервые в советской историографии изучение исторической мысли русского зарубежья было поставлено автором как самостоятельная проблема: «Русская эмигрантская историография – явление очень сложное и еще мало изученное. За границей вышли десятки книг эмигрантских историков по различным периодам и проблемам отечественной истории. Они требуют отбора, изучения и критической оценки»⁵⁷.

К аналогичным выводам пришел В. Т. Пашуто, чья незавершенная монография вышла только в 1992 г.⁵⁸ В ней впервые история историче-

ской науки в зарубежье была представлена как проблема историко-научного сообщества, действовавшего в рамках определенных институциональных структур. Во-вторых, научные труды этого сообщества рассматривались как неотъемлемая часть русской и советской исторической науки. В-третьих, автор впервые в советской историографии предложил периодизацию изучения русского зарубежья, рассматривая пореволюционную эмиграцию как явление уникальное и принадлежащее отечественной культуре. Используемый автором метод сравнительного анализа эмигрантской и советской историографии отдельных периодов истории России представляется нам наиболее продуктивным при анализе истории российской исторической науки и выявлении действительной значимости трудов эмигрантов. Наконец, исследование В. Т. Пашуто отличает повышенное внимание к личностям историков: оно содержит первый систематический обзор библиографий эмигрантов.

Все это позволяет говорить о том, что монография В. Т. Пашуто представляет собой первый в отечественной историографии систематизированный труд, посвященный историко-научному сообществу русского зарубежья. По нашему мнению, данное исследование имеет черты своеобразного перехода от прежних идеологических установок и схем к более объективному анализу наследия русского зарубежья. Автор, оставаясь на прежних методологических позициях, в немалой степени обусловленных современными ему жизненными и творческими условиями, личными мировоззренческими установками, смог преодолеть односторонность восприятия эмиграции, присущую предыдущей отечественной историографии.

При оценке монографии Пашуто интересной представляется точка зрения С. П. Бычкова и В. П. Корзун, которые первыми отметили переходный характер работы — от прежних установок, когда периодизация исторической науки за рубежом связывалась в марксистской трактовке с «кризисом капитализма», к новому осмыслению проблем теоретико-методологического и личностного уровня русской эмигрантской историографии. Они обратили внимание на методологически важную мысль, высказанную Пашуто, о необходимости «дифференцированного подхода к трудам русских историков за рубежом», критического осмысления их наследия: «это наше, русское наследие, отказ от которого вреден для науки»⁵⁹.

Нам представляется спорной трактовка этого «переходного характера». Общее содержание монографии, выводы (как по главам, так и общице), периодизация историографических работ не дают серьезных оснований говорить о новом осмыслении теоретико-методологических проблем. Пашуто не отказался от критики методологии познания историков-эмигрантов, последовательно проводил «марксистско-ленинский подход» в оценке их трудов. Новизна подхода к наследию касалась признания вклада эмигрантов в постановку и решение частных проблем, а также

введения в научный оборот новых источников, но такая дифференциация уже прослеживается в предыдущей советской историографии.

Таким образом, в 20—80-е гг. с разной степенью интенсивности шел процесс осмысления феномена российской пореволюционной эмиграции, в том числе исторической мысли русского зарубежья. Несмотря на политическое и идеологическое противостояние, различие в методологических подходах, данное направление становится частью мировой науки и представляет собой фрагмент единого историографического пространства. Историографию 20—80-х гг. можно рассматривать как единый период в изучении исторической науки пореволюционной эмиграции, в течение которого развивались две тенденции отечественного историописания – взаимосвязи и отталкивания, сопряжения и напряжения. Историография этого периода основывалась на единстве противоречивого, но взаимосвязанного мира, характеризующегося как глобальным противостоянием политических систем, идеологий, систем ценностей, так и их взаимодействием и взаимовлиянием.

¹ См., например: *Вандалковская М. Г.* и др. История и политика. М., 1992; *Они же.* Историческая наука российской эмиграции зарубежья: «евразийский соблазн». М., 1997; *Сератионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20—30-е годы). М., 1995; *Емельянов Ю. Н.* С. П. Мельгунов в России и эмиграции. М., 1998; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX в.: Энцикл. слов. М., 1997; Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920—1940: Франция / Под общ. ред. Л. А. Мнухина. М., 1995; и др.

² См.: *Кизветтер А. А.* Научно-историческая литература в современной России // Современ. зап. 1923. Т. 15. С. 388—400; *Он же.* Общие построения русской истории в современной литературе // Там же. 1928. Т. 37. С. 310—341; Новейшие исследования по социальной истории Московского государства // Там же. 1931. Т. 45. С. 495—507; *Мякотин В.* Чешская книга о русской революции // Голос минувшего на чужой стороне. 1927. № 5. С. 274—281; *Заикин В.* Украинская историческая литература последних лет // На чужой стороне. 1925. № 12. С. 236—251; и др.

³ См.: ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 2.

⁴ См.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Вып. 1, 1920—1930. Белград, 1931; Вып. 2, ч. 1, 1930—1940. Белград, 1941.

⁵ См.: *Постников С. П.* Русские в Праге, 1918—1928. Прага, 1928.

⁶ Первая статья А. В. Флоровского «Русская историческая наука в эмиграции (1921—1926)» в виде рукописи находится в его фонде в архиве РАН (РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 141—156). В ней приводятся сведения о 75 исследователях-историках всеобщей истории, см. подробнее: *Аксенова Е. П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А. В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции, 1917—1940: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 95—100). Вторая работа, представляющая доклад историка на V съезде академических организаций в Белграде, широко известна исследователям, см.: Русская историческая наука в эмиграции

(1920—1930) // Труды V съезда РАО за границей. Ч. I. София, 1932. С. 467—484; *Kizeveter A. A. Histoire de Russie. Travaux des savants russes imigres // Revue historique. Paris, 1930. T. 143. P. 160—183).*

⁷ См.: *Gapanovich J.-J. Russian Historiography outside Russia: An Introduction to the Study of Russian History. Peking, 1935.* Эта работа была переиздана в 1946 г. на французском языке с историографическими дополнениями историка-востоковеда В. П. Никитина (*Gapanovich J.-J. Historiographie russe hors de la Russie / Trad. V.P. Nikitine. Paris: Payot, 1946.*). Мы использовали это издание.

⁸ *Ibid.*, P. 92—98. В частности, идеи борьбы леса со степью (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев), необходимости сильного централизованного государства, происхождения крепостничества, причин возвышения Москвы и потери независимости Новгорода (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский), истоков Смутного времени (С. Ф. Платонов), по мнению исследователя, были заимствованы Покровским. Главный недостаток работы Покровского Гапанович видел в «неспособности рассматривать прошлое само по себе» и «критике его (прошлого. — В. Ц.) с современной точки зрения».

⁹ *Rimscha Hans von. Russland jenseit der Grenzen, 1921—1926. Jena, 1927; W. Chapin Huntington. The Home sich Millions Russia-out-Russia. Boston, 1933; Sir John Simpson. The Refugee Problem: Report of a Survey Royal Institute of International Affairs. London: N.-Y., 1939.*

¹⁰ См.: *Histoire de Russie. Par Paul Milioukov, Ch. Seignobos et L. Eisenmann. Tom I. Des origines a la mort de Pierre le Grand. Librairie Ernest Leroux. Paris, 1932. P. I-XIX.*

¹¹ См.: *Gapanovich J.-J. Historiographie russe hors de la Russie. P. 124—125.*

¹² См.: *Вандалковская М. Г. и др. История и политика. Цепилова В. И. Историческая наука русского зарубежья: Проблемы историографии (1920—2004). Екатеринбург, 2005. Гл. 3.*

¹³ См.: *Gapanovich J.-J. Historiographie russe hors de la Russie. P. 66—68.*

¹⁴ См., например: *Пионтковский С. А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931; Покровский М. Н. Русская историческая литература в классовом освещении: Сб. ст. /Под ред. М. Н. Покровского. Т. 2. М., 1930; Историческая наука и борьба классов: (Историографические очерки. Критические статьи и заметки). Вып. 2. М.; Л., 1933; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. В 1921—1929 гг. в журнале «Пролетарская революция» были опубликованы 28 рецензий на книги русского зарубежья (См.: Пролетарская революция. Систематический и алфавитный указатель. М., 1931).*

¹⁵ См.: *Интеллигенция и Советская власть: Сб. ст. М., 1919.*

¹⁶ В частности, в журнале «Печать и революция» регулярно сообщалось о выходе в свет новых мемуаров, монографий, брошюр, созданных эмигрантами, открытии высших учебных заведений. К примеру, в 1921 г. в третьей книге содержалась информация о выходе на русском языке в Берлине «Записок» С. Ю. Витте; о подготовке к печати в Америке книг Д. Вергуна — исторической монографии «Ивашко Вергуненок» (об одном из русских самозванцев XVII в.) и «Истории американских славян»; о выходе в Китае двухтомной книги А. Гутмана «Россия и большевизм» и завершении работы над книгой «Роль евреев в большевизме» (Печать и революция. 1921. Кн. 3.

С. 295—296). В журнале 1923 г. сообщалось, что Мельгунов заканчивает книгу о Французской революции, что Кизеветтер в скором времени выпускает «Курс истории России XVIII и XIX веков», Мякотин готовит к печати «Очерки по социальной истории Малороссии» и воспоминания. В «Хронике» 1923 г. говорилось, что возобновил выход журнал «*Russia. Rivista di letteratura-arte-storia*» в Италии, посвященный истории России, в котором опубликованы статьи Е. Ф. Шмурло «Культура древней Руси», «О траскрипции русских имен». В подрубке «Среди эмигрантов» сообщалось, что в Праге открылся Русский педагогический институт им. Коменского — высшее учебное заведение с двухлетним сроком обучения и преподаванием на русском языке, что в Русском институте в Праге читается ряд общих и специальных курсов по русской культуре, русскому праву, истории и географии страны, ее природных богатств и состоянию промышленности. Сообщалось, что в Чехословакии работают 90 русских профессоров, обучается 2000 студентов (см.: Печать и революция. 1923. Кн. 3. С. 295—297).

¹⁷ См., например: *Кареев Н. И.* Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876—1926) // *Отеч. история.* 1994. № 2. С. 136—154; *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Берлин, 1923; *Он же.* Москва и Запад. Берлин, 1926; и др. Показательны два первых тома трудов «*Seminarium Kondakovianum*», в которых были опубликованы статьи оставшихся в России В. Н. Бенешевича, Д. В. Айдалова, Л. А. Мачулевича, С. А. Жебелева, А. Н. Кубе, А. В. Орешникова, Ф. И. Успенского и др. Журнал получал и реферировал научные труды из Москвы, Петрограда, Саратова, Севастополя, Ташкента. В сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова, была включена статья С. А. Жебелева «Иконографические схемы вознесения» (см.: Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Археология: История искусства. Византиноведение. Семинар Кондакова. Прага, 1926).

¹⁸ См.: Известия Юридического факультета. 1928. Т. 5. С. 370. В печати появлялись некрологи (см.: *Покровский М. Н.* П. Г. Виноградов (1854—1925) // *Изв. ЦИК СССР и ВЦИК.* 1926. 29 апр.).

¹⁹ См.: *Полонский Вяч.* Буржуазная интеллигенция и октябрьская революция // *Печать и революция.* 1921. Кн. 3. С. 27—39; *Кизеветтер А. А.* Евразийство // *Руль.* 1925. 10 янв.; *Он же.* Русская история по-евразийски // Там же. 1927. 27 нояб.; *Милоков П. Н.* Научные основы евразийства // *Зап. РИО в Праге.* Кн. 1. Прага, 1927; и др.

²⁰ *Флоровский А. В.* Русская историческая наука в эмиграции; *Кизеветтер А. А.* Работа русских ученых за рубежом // *Сегодня.* 1930. 14 окт.

²¹ На открытом заседании методологической секции общества историков-марксистов 18 декабря 1930 г. Н. М. Лукин, критикуя Н. И. Кареева, говорит о том, что «его антимарксистская работа протекала главным образом на страницах иностранной печати», что все его последние работы проникнуты определенной тенденцией, которая сводится главным образом к игнорированию значения марксистских работ, вышедших за последнее время, и затем к целому ряду антимарксистских вылазок» (см.: *Историк-марксист.* 1931. Т. 21. С. 48).

²² См.: *Русская историческая наука в классовом освещении: Сб. ст. / Под ред. М. Н. Покровского.* Т. 2; *Пионтковский С. А.* Буржуазная историческая наука в Рос-

сии. М., 1931; Историческая наука и борьба классов (Историографические очерки. Критические статьи и заметки).

²³ См.: *Гуковский А.* Обзор белоэмигрантской литературы о гражданской войне за 1928 г. // Историк-марксист. 1929. Т. 11. С. 266—270.

²⁴ См.: *Сидорова Л. А.* Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы // История и историки: Историогр. вестн. / Ин-т рос. истории. М., 1965; *Готье Ю. В.* Мои заметки. М., 1997.

²⁵ Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 142—144.

²⁶ См.: Там же. 1930. Т. 18—19. С. 167.

²⁷ Там же. 1930. Т. 15. С. 165.

²⁸ *Рубинштейн Н. М.* Н. Покровский — историк России // Под знаменем марксизма. 1924. Т. 10—11. С. 189, 192.

²⁹ Историк-марксист. 1930. Т. 18—19. С. 160, 162, 168, 170.

³⁰ *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов... Вып. 1. С. 7, 8, 10, 51.

³¹ Там же. С. 176.

³² Л. В. Иванова отмечала размах подготовки научных и преподавательских кадров: если в 1917 г. по всей стране насчитывалось не более 300 человек, оставленных для подготовки к научной и преподавательской деятельности, то в мае 1927 г. в СССР было 1 829 аспирантов, из них по общественным наукам — 400. В 1928 г. специалисты в области общественных наук готовили Московский и Ленинградский университеты, РАНИОН и ИКП, Научно-исследовательский институт при Пермском университете, Воронежский и Крымский научно-исследовательские институты, Научно-исследовательский институт народов Востока, а также Северо-Кавказская научно-исследовательская ассоциация. На 1 мая 1928 г. во всех центрах, за исключением МГУ и ИКП, обучалось 2 279 аспирантов. Изменился состав преподавателей общественных наук. В 1927 г. из 580 преподавателей по 63 вузам (из 71 вуза по РСФСР) 46% были коммунистами, 134 преподавателя имели опыт работы 1—3 года, т. е. получили образование уже в советских вузах (см.: *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки: Подготовка кадров историков-марксистов, 1917—1929. М., 1968. С. 145—146). К этому можно добавить, что «платоновское дело» еще более увеличило и партийную прослойку среди преподавателей. Молодые исследователи, воспитанные на классовых подходах, не испытывали «почтения» к представителям дореволюционной историографии.

³³ Эмигранты внимательно следили за мероприятиями советской власти по реформированию научных и педагогических учреждений. Е. Максимович одним из первых проследил «волнообразность» государственной политики в СССР по отношению к исторической науке, сделав вывод о превращении ее в «служанку» власти, (см.: *Максимович Е. Ф.* Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм // Современ. зап. Париж, 1936. Т. 62. С. 409—420). Такой же вывод содержится в работе Е. Х. Зенкевича «К истории советизации Российской академии наук» (Мюнхен, 1957. С. 20—21).

³⁴ Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Т. 1. М., 1939; Т. 2. М., 1940.

³⁵ См.: *Пионтковский С.* [Рецензия] // Историк-марксист. 1935. № 12. С. 142—144. Рец. на кн.: *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории. Т. 2, вып. 1: Москва и Литва (1462—1613). Прага Чешская, 1933. Насколько несправедливой была эта критика, показывает оценка И. И. Гапановичем данной работы как особого жанра исторического синтеза. История России была представлена Шмурло как часть истории Европы. Сравнительный метод, использованный историком, позволил выделить общие черты развития Киевской Руси и Московского царства с европейскими процессами. В отличие от Ключевского, Шмурло рассматривал не только географическую, но этническую среду, в которой формировалась российская государственность и «русская цивилизация» (под понятием «цивилизация» историк подразумевал различные проявления духа). Гапанович не всегда был согласен с трактовками Шмурло русского исторического процесса, но вместе с тем считал достоинством двухтомника «самокритику» — выделение спорных вопросов русской истории и приведение различных мнений по каждому из них. «Изменчивая и последовательная, живая и научная, редкое сочетание — вот что представляет из себя эта работа» — таков вердикт историографа (см.: *Gapanovitch J.-J.* Historiographie russe hors de la Russie. P. 76—77). Высокую оценку последних работ Е. Ф. Шмурло дал также П. Н. Милоков. В частном письме к историку Милоков отмечал: «...я всегда неизменно хранил глубокое уважение к вашему чисто идейному подходу к научной работе, к Вашей неустанной деятельности на специальном, выбранном Вами поприще и к Вашему стремлению свести русский исторический процесс к общим началам и понять его как целое. Вашей последней работой Вы облегчили путь нашим преемникам к серьезной, критической разработке исторических данных по наиболее темному периоду нашей истории» (см.: ГАРФ. Ф. 5965. Оп. 1. Ед. хр. 695. Л. 3). Интересна и более поздняя по времени оценка «Истории России» Умберто Черрони: «Е. Шмурло мы обязаны первым обширным трудом по истории России, написанным на итальянском языке». (*Черрони У.* Изучение истории СССР в Италии // История СССР. 1961. № 1. С. 188—201).

³⁶ См.: *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 4.

³⁷ Там же. С. 446, 454—455, 469, 497, 498, 501—502.

³⁸ Объяснение повышенного интереса к эмигрантскому наследию в послевоенный период целями «холодной войны» содержится в исследованиях современных зарубежных историков (см.: *Дэвид-Фокс Майкл.* [Введение] Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 5—47). Исследователь обращает внимание на то, что многие из американских специалистов по истории России сформировались как эксперты во время службы в вооруженных силах и работы в разведке (см.: *Robert F. Byrnes.* Harvard, Columbia, and the CIA: My Training in Russian Studies // A History of Russian and East European Studies.

³⁹ См., например: *Halm H.* Achtzig Jahre russischer Geschichtsschreibung außerhalb Rußlands // JGO. 1957. Bd. 5, H. 1/2; *Smal-Stocky R.* Die Erforschung der Emigration aus dem russischen Imperium und ihre Aufgaben // JGO. 1960. Bd. 8, H. 2; *Böss O.* Die Lehre

der eurasier: Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jh. Wiesbaden, 1961; *Halperin C. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Evrasianism // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 36. Berlin, 1985.*

⁴⁰ См.: *Ковалевский П. Е. Исторический путь России. 2-е изд., доп. и перераб. изд. Париж, 1946; Он же. Исторический путь России. Ч. 2. Париж, 1946.; Он же. Наши достижения. Мюнхен, 1960; Он же. Наши достижения: Роль русской эмиграции в мировой науке. Вып. 1. Мюнхен, 1960; Он же. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971. Библиография трудов Ковалевского насчитывает 1 736 наименований (см.: *Short biography of prof. Kovalevsky. Paris, 1972; Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956; Он же. Зарубежная Россия. Paris, 1973; Он же. Русская литература в изгнании. Париж, 1984; Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп.; Краткий биографический словарь русского зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. Париж; М., 1996.**

⁴¹ См.: *Вернадский Г. В. Русская историография. М., 2000; Он же. Очерки по истории науки в России // Записки русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1971—1973. Vol. 28, Т. 5—7; Vernadsky G. Rise of Science in Russia 1700—1917 // Russian Review. 1969. Интересная оценка данной работы содержится в ст.: *Корзун В. П. Г. В. Вернадский — историк русской исторической науки (Продолжающаяся традиция или новый взгляд?) // Вестн. Омск. ун-та. Вып. 1. Омск, 1996.**

⁴² *Halperin C. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Evrasianism. P. 184*

⁴³ *Ibid. P. 185—187.*

⁴⁴ См., например: *Тихомиров М. Н. Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского // Вопр. истории. 1946, № 4; Мерперт Н. Я., Пашуто В. Т. Георг Вернадский. Монголы и Россия // Там же. 1955. № 8.; Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961; Пашуто В. Т. Реваншисты-псевдоисторики. М., 1971; Марушкин Б. и др. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; Минаева Н. В. В разладе с историей: (Заметки о западной историографии, освещающей политическую мысль России первой четверти XIX века) // Проблемы историографии. Сб. тр. М., 1977; Дьячков В. Л. Современная немарксистская историография об эволюции российских мелкобуржуазных партий в 1917 году // Проблемы историографии и источниковедения истории трех российских революций. М., 1978. Отзыв В. Т. Пашуто и Н. Я. Мерперта был известен Г. В. Вернадскому: «...прочел полностью рецензию Мерперта и Пашуто на «Монголы и Русь». Пристрастная, поверхностная и полна передержек. Целых семь страниц. Все же это какой-то сдвиг (Киевскую Русь мою совсем замолчали)» (цит. по: Обзор коллекции документов Г. В. Вернадского в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Г. В. Вернадский. Русская историография. С. 434).*

⁴⁵ См., в частности: *Международные связи России до XVII в. М., 1961; Лантева Л. П. В. А. Францев как историк славянства // Славянская историография: Сб. ст. М., 1966.*

⁴⁶ См.: *Кузьмина В. Д., Хорошкевич А. Л. Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записках» (1950—1957, Т. 1—7) // Вопр. истории. 1957. № 1; Данило-*

ва Л. В. Русское Средневековье в современной историографии США // *Вопр. истории*. 1961. № 3.

⁴⁷ См., например: *Флоровский А. В.* Чешско-русские торговые отношения X—XII вв. // *Международные связи России до XVII в.*; *Мошин В. А.* Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Там же. (Статьи в сборнике содержали ссылки на работы Шмурло: *Россия и Италия: Сб. ист. материалов и исслед., касающихся сношений России с Италией*. Т. 4. Л., 1927; *Римская курия на русском православном Востоке в 1609—1654 годах*: Прага, 1928; *Посольство Чемадана и римская курия* // *Зап. РНИ в Белграде*. Вып. 7. Белград, 1932 г.; *Русская кандидатура на польский престол в 1667—1669 годах* // *Сб. статей, посвященных П. Н. Милокову*. Прага, 1929; и др.

⁴⁸ См.: *История СССР*. 1961. № 1. С. 109—118.

⁴⁹ См.: Обзор коллекции документов Г. В. Вернадского в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // *Г. В. Вернадский*. Русская библиография. С. 397, 398.

⁵⁰ См., например: *Очерки истории исторической науки в СССР* / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1960; *Шатило А. Л.* Русская историография в период империализма: Курс лекций. М., 1962; *Алексеева Г. Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.) М., 1968; *Вандалковская М. Г.* Периодизация русского освободительного движения XIX в. в либерально-буржуазной кадетской историографии // *История и историки: Ист. ежегодник*, 1974. М., 1976; *Критский Ю. М.* Вопросы истории русской общественной мысли и революционного движения в России XVIII — начала XX века в журнале «Голос минувшего» в 1913—1923 гг. // *Ист. зап.: Ист. ежегодник*, 1972. М., 1973; *Сахаров А. М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978; *Волобуев О. В.* Революция 1905—1907 гг. в публицистике русской буржуазной историографии // *Ист. зап.* № 102. М., 1978; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917—1920). М., 1982.

⁵¹ См.: *Черепнин Л. В.* Выдающееся исследование о Василии Осиповиче Ключевском // *Проблемы истории общественной мысли и историографии*. М., 1976. С. 7.

⁵² *Нечкина М. В., Городецкий Е. Н.* Развитие советской историографии истории СССР // *Развитие отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС*. М., 1978. С. 286.

⁵³ См.: *Ковальченко В. Д., Шикло А. Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века // *Вопр. истории*. 1982. № 1; *Кареева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с сер. XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 51.

⁵⁴ *Сафронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976.

⁵⁵ См.: *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. 3-е изд. М., 1987.

⁵⁶ Там же. С. 15.

⁵⁷ Там же. С. 99.

⁵⁸ *Пацуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

⁵⁹ *Бычков С. П., Корзун В. П.* Введение в отечественную историографию XX века: Учеб. пособие. Омск, 2001.